

Театр противительного союза

Москвичи впервые увидели легендарный театр Но. Труппа «Кокусай корюдан» дала два представления: в Японском садике на территории Главного Ботанического сада и на сцене Театра имени Моссовета.

Слово «Но» означает «способность», а применительно к театральному действу уместен перевод «виртуозность». Театру Но около шести веков, и за это время он практически не изменился. Сохранились не только пьесы, сохранились спектакли: музыка, пение, танец, мельчайшие особенности телодвижений и интонаций, рисунок масок и покрой костюмов — все это было пронесено через время, непосредственно передаваясь от отца к сыну, от учителя к ученику.

В давние времена спектакли Но обычно шли именно под открытым небом. Сцену в Японском садике — невысокий квадратный помост под символической крышей — оборудовали на берегу пруда, в котором квакали лягушки. Единственным неуместным, казалось бы, звуком был редкий грохот проходивших где-то поодаль поездов — но странное дело, их гул и дязг, в полной гармонии с символической, мистериальной сутью действия, не ощущался как посторонний: скорее — как потусторонний.

Драмы Но повествуют о чудесном и нездешнем. Исторически Но был театром воинского сословия, в отличие от возникшего позже Кабуки, театра мещан. Зрители Кабуки шли на представление, чтобы отвлечься, поплакать и прийти в восторг от того, чего не бывает в их быту. Если уж это история про людей низкого звания, то пусть она будет о великой верности: например, о двойном самоубийстве влюбленных. А лучше, если покажут что-нибудь о доблести, о подвигах, о сла-

ве. Для зрителей же Но верность сюзерену и подвиги на поле брани были частью повседневной жизни. Самурай воспитывался так, что был в любой момент готов и рад расстаться с жизнью во имя чего-то Высшего. Однако ему нужен был зримый образ этого Высшего. Вот почему в драме Но воин — обычно второстепенный герой. Главный же герой — чаще всего божество, демон, призрак. А сама драма — не столько развлечение, сколько ритуал.

...Представление началось чинно и неспешно. На помост вышли и расселись музыканты. Их всегда трое или четверо. Флейтист и барабанщики. Состав инструментов, размещение оркестрантов, приемы звукоизвлечения — все это установилось много веков назад и не меняется.

Барабанщик «оцудзуми», профессор Сёносукэ Окура, ударил в барабан и одновременно издал странный возглас-выкрик. Эти крики — часть музыки Но. Наше ухо не улавливает в ней мелодии, но это, несомненно, музыка. Возгласы, как и речь актеров, решительно и подчеркнуто не похожи на обычную бытовую речь. Голоса в традиции Но сдвинуты, гортанны и запредельны.

Танец, который исполнил под эту музыку актер Укон Миякэ сначала казался статичным и маловыразительным, но темп музыкального сопровождения мало-помалу нарастал, телодвижения танцовщика становились все более динамичными, дребезжание сверкающего золотом колокольчика в его правой руке постепенно завораживало зрителей, и когда все это неожиданно оборвалось, а актер спокойно ушел со сцены, аудитория уже была бесповоротно вовлечена. Считалось, что этим танцем люди просят богов о богатом урожае — отбивая такт ногой, танцовщик как бы втапывал в землю семена. К просьбе, выраженной с такой изощренностью, трудно не прислушаться.

Театр Но — это прежде всего танец и музыка, лишь потом уже драматургия. Образы Но статуйны: какая может быть динамика в по-

вестовании о Вечном? Однако в традицию Но наряду с собственно Но, входит и Кёгэн, иначе — фарс. Если Но символичен и отказывается от правдоподобия во имя некой высшей истинности, то Кёгэн реалистичен, ибо говорит о низком, чтобы дать зрителю посмеяться, отдохнуть и внутренне подготовиться к новому сближению с высоким. Кёгэны обычно показывают в промежутках между драмами Но. Москвичам показали Кёгэн под названием «Зять, переправляющийся на лодке». Комическое сближает. Выразительные голоса и позы исполнителей фарса понимались без перевода: аудитория хохотала, вспоминая и *comedia dell' arte*, и даже комедии Гайда.

Если бы не эта веселая интермедия, то, как знать, произвел ли бы на зрителей такое сильное впечатление последний фрагмент программы — драма Но под названием «Каменный мост». Буддийский монах, совершив путешествие в далекий, волшебный Китай, оказывается у каменного моста, по которому переходят в Чистую Землю Предельного Блаженства — то, что у буддистов заменяет рай. И вот на мосту появляется посланец бодисатвы, лев. В исполнении актера Нобору Сано он был, как полагаются, в красно-золотой маске и с пышной красной гривой. Мне кажется, он полностью убедил аудиторию в своей сверхъестественности. Во всяком случае, когда представление окончилось и актер вышел принимать аплодисменты уже без маски, я был даже чуть-чуть разочарован тем, что это просто человек.

«Послушай, — сказала мне спутница, преподающая историю античной литературы, — я, кажется, начинаю понимать, как все это на самом деле было у древних греков. А эти особые голоса — ну, так и в православном богослужении голоса особые, и возгласы там немного похожие бывают».

На самом деле у японцев все по-другому. Но если вникнуть и привыкнуть, то их искусство станет близким и понятным.

Евгений МАЕВСКИЙ